

#YOUNG
FANTASY

АЛЕКСАНДРА БРАКЕН

Пассажирка

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.-312.9(73)
ББК 84(7Coe)-44
Б87

Alexandra Bracken
THE PASSENGER

*Печатается с разрешения литературных агентств
Writers House LLC и Synopsis Literary Agency*

Дизайн обложки Ольги Жуковой

Бракен, Александра.

Б87 Пассажирка: роман / Александра Бракен ; пер. с английского М. Фетисовой. – Москва : Издательство АСТ, 2017. – 512 с. – (#YoungFantasy)

ISBN 978-5-17-102207-5

Семнадцатилетняя Этта Спенсер не подозревала, что ее виртуозное, на грани фантастики владение скрипкой – часть скрытых мистических способностей. Внезапно пробудившееся в ней магическое наследие отбрасывает девушку на сотни лет в прошлое. Напуганная и растерянная, Этта оказывается в 1776 году и в самой гуще морского сражения.

Ее спасает молодой капитан, который должен доставить девушку к загадочному семейству Айронвуд, настолько могущественному, что им оказалось под силу похитить Этту из ее времени. Но зачем?.. В поисках ответа Этта и Николас мчатся сквозь столетия, разгадывая еще одну загадку – тайну невероятного притяжения друг к другу.

**УДК 821.-312.9(73)
ББК 84(7Coe)-44**

ISBN 978-5-17-102207-5

Copyright © Alexandra Bracken, 2016
© М. Фетисова, перевод на русский язык
© ООО «Издательство АСТ», 2017

Маме

За всю историю не было никого с таким прекрасным и сильным сердцем, как твое.

*Неважно, как врата узки
И что скрижаль моя таит.
Я господин моей души,
Я капитан моей судьбы.*

Уильям Эрнст Хенли

Бутан
1910

ПРОЛОГ

Они восходили на гору, оставляя все дальше извилистые тропы, ведущие к ближайшим деревням, и мир раскидывался перед ним в своем первоизданном виде: тихий, древний, таинственный. Беспощадный.

Николас провел большую часть своей жизни на море или настолько близко к нему, чтобы чухать запах рыбы и морской воды при правильном ветре. Даже сейчас, когда монастырь вот-вот должен был проглянуть сквозь плотную завесу тумана и облаков, он поймал себя на том, что оборачивается, тщетно ища за высокими пиками Гималаев мгlistую линию, где небо встречало изгиб рябой от волн воды — что-то знакомое, что могло бы стать якорем, прежде чем его смелость исчезнет вместе с уверенностью.

Тропа — извилистая череда ступенек и грязи — сперва тянулась через сосны, сочащиеся мхом, а теперь жалась к отвесным скалам, в которых непостижимым образом был построен монастырь Такцанг-Лакханг. Вереницы ярких молитвенных флагов на деревьях трепетали над головой, их вид несколько смягчил тяжесть в его груди, напомнив, как капитан Холл первый раз привез

его в Нью-Йоркскую бухту и новые фрегаты были украшены флагами всех видов и форм.

Он в очередной раз поерзал под рюкзаком, несильным осторожным движением, чтобы облегчить боль от впившихся в плечи лямок и при этом не свалиться с узкой тропки.

Ты столько раз взбирался по такелажу, а сейчас вдруг испугался высоты?

Такелаж. Руки так и чесались прикоснуться к нему, почувствовать брызги моря, поднятые ветром, и корабль, рассекающий воду. Николас попытался отвести плечи назад, забросав песком искру негодования, зародившуюся где-то в животе, прежде чем она разгорелась. Он уже должен был вернуться — уже быть с Холлом, с Чейзом, нестись по гребням набегающих волн. Не здесь, в чужом столетии — двадцатом, боже ты мой, — с бездарным гулякой, требующим, чтобы Николас помогал застегнуть его новый плащ, зашнуровать ботинки, завязать шарф и нахлобучить нелепую широкополую шляпу, хотя имел две собственные руки и, судя по всему, мозг между ушами.

Кожаный мешок, висящий у него на шее, с силой шлепнул его по боку, когда Николас продолжил подниматься туда, где стоял Джулиан, упираясь одной ногой в ближайший камень, — его обычная поза, когда он полагал, что жаждущие полюбоваться им дамы рядом. Но сейчас Николас не мог понять, на кого он пытается произвести впечатление — на горстку птиц, которых они услышали, пробираясь по влажному лесу? Неужели он всегда был таким — склонным к драматизму, тщеславным, с полным отсутствием соображения, — а Николаса настолько ослепило чудесное обнаружение так называемого брата, новая жизнь, полная ком-

форта, богатства и приключений, что он охотно не обращал на это внимание?

— Теперь, малец, иди сюда и посмотри — это, знаешь ли, гнездо тигрицы. Черт бы побрал этот проклятый туман...

По правде сказать, Николас знал. Он взял за правило читать столько, сколько только мог, о тех местах, куда старик их отправлял, чтобы просчитать наилучшие варианты не дать безрассудному упрямому Джулиану умереть. Николаса, словно заноза, непрерывно свербила нехватка знаний, образования. Поняв, что Семья никогда по-настоящему не обеспечит ему необходимую для путешествий подготовку, он начал задумываться, уж не намеренно ли ему не дают проявить себя. Эта мысль достаточно его разозлила, чтобы вынудить потратить большую часть скудных средств на учебники по истории.

— Падмасамбхава, бутанский буддийский гуру — в легенде, конечно, — прилетел сюда на спине тигрицы, — продолжил Джулиан, и на лице его расцвела ухмылка, которая вытаскивала их из бесконечных передраг и неприятностей, — улыбка, которая немедленно смягчала сердце и нрав Николаса, неизменно подначивая к прощению. — На обратном пути нужно заглянуть в одну из их медитативных пещер. Может, сможешь немного поразмыслить. Взгляни на этот вид и скажи, что не будешь скучать по путешествиям. Как иначе за свою короткую жизнь ты бы сюда попал? Отринь эту глупую идею, ладно?

Вместо того чтобы врезать брату по самовольной физиономии или направить металлический наконечник кирки, привязанный за спиной, туда же, Николас снова сдвинул рюкзак и попы-

тался не думать слишком много о том, что он в который раз сгибается под тяжестью Джулиановых и своих пожитков.

— Кажется, надвигается буря, — сказал Николас, гордясь тем, как твердо прозвучал его голос, несмотря на скрежет и свист негодования, снова вскипевшего у него внутри. — Восхождение лучше оставить до завтра.

Джулиан сощелкнул жука с плеча новенького плаща:

— Нет. Мне пришлось оставить ту красотку в баре на Манхэттене, и я хочу вернуться и быстренько покувыркаться, прежде чем возвращаться к старику. — Джулиан вздохнул: — Снова с пустыми руками. Отправить нас в глушь за тем, чего, вероятно, на данный момент даже не существует. Классика жанра.

Наблюдая, как сводный брат вертит в руках трость, Николас задумался, что о них подумают монахи: чистенький рыжеволосый принц в альпинистском снаряжении с иголки, ковыряющийся в их священных местах в поисках потерянного сокровища, и темнокожий паренек, явно слуга, плетущийся за ним, словно пойманная тень.

Должно было быть не так.

Почему он остался? Почему подписал договор — почему вообще доверился этой семье?

Не такой должна была стать моя судьба.

— Встряхнись, старина, — сказал Джулиан, тихонько ткнув Николаса в плечо. — Только не говори, что все еще кипятишься из-за договора.

Николас свирепо зыркнул на Джулиана, когда тот отвернулся. Он не хотел ни говорить, ни думать об этом — о том, как Джулиан пожал плечами и просто сказал: «Слушай, ну надо было внима-

тельнее читать условия, прежде чем подписывать».

Однажды он избежал порабощения этой семьей, однако в конце концов только продал себя обратно в рабство. Но старик говорил о невозможных вещах: магии, путешествиях, деньгах, превосходящих его самые смелые мечты. В ту минуту пять лет приключений едва ли казались жертвой.

Поняв, что будет всего лишь слугой сводного брата, который никогда в жизни не признает его таковым публично, Николас тогда просто сглотнул подступающую к горлу желчь и продолжил перевязывать Джулианов шейный платок на модный манер. С тех пор он чувствовал бег времени, как никогда. Каждая прошедшая секунда постепенно подтачивала его решимость, и он боялся даже думать, какая катастрофическая ярость может выплеснуться из него, когда исчерпаются все отговорки.

— Мы должны вернуться и разбить лагерь, — наконец, сказал Николас, избегая оценивающего взгляда Джулиана. — Завтра начнем заново.

Джулиан усмехнулся:

— Что, дождичка испугался? Не нуди, Ник. Подъем-то простецкий.

Но Николас беспокоился не о самом подъеме. Уже сейчас воздух в легких казался разреженным; он понял, что головная боль разыгралась не столько из-за непрекращающейся болтовни Джулиана, сколько из-за рискованной близости к небесам. Колени словно бы стали песочными; руки потеряли всякую чувствительность.

Я могу бросить его здесь. Убежать.

Куда он мог податься, чтобы они его не нашли? Ни снова к Холлу; ни обратно в свое истинное время. Ни даже найти свою мать.

Николас глянул, как расползаются, перекатываясь через горный хребет, стально-серые облака, ловко вспарываемые длинными зубчатыми шпильями Гималаев.

На корабле он воспользовался бы и океаном, и самим судном, чтобы оценить интенсивность надвигающегося шторма и придумать, как преодолеть его. Сейчас ни моря, ни корабля у него не было; только шею слабо покалывало, предупреждая, что далекий гром трещит и разносится эхом по бесприютным горам.

— Лучше бы старик на сей раз не промахнулся, — сказал Джулиан, снова припуская вверх по тропе. Оттуда, где стоял Николас, она казалась бесконечной лентой из ступенек, перекинутой через неровное каменное лицо скалы, поднимающейся и опадающей вместе со складками горных пород. — Я устал от этой его игры... да пропала она — эта чертова штуковина! Даже он иногда не выигрывает.

«Он всегда выигрывает, — подумал Николас, и его ладони превратились в кулаки. — Я никогда ни от одного из них не освобожусь».

— Ладно, давай смелее, Ник. Мы должны пройти этот путь! — крикнул Джулиан. — И я так проголодался, что съел бы лошадь.

Первые капли дождя брызнули ему в лицо, скользнули по щеке и сорвались с подбородка. Это был странный, трепещущий миг. Почувствовав, что застревает в этом мгновении, Николас огляделся в поисках какого-нибудь временного убежища, зная, что Джулиан скорее потребует найти ему убежище, нежели рискнет замочить ботинки. В стороне от *чортенов* — низких белых построек, приютивших замысловатые яркие молитвенные

барабаны, — виднелось несколько небольших закрытых уступов, где плакальщики разместили конические реликварии.

— Есть! — Джулиан испустил резкий радостный вопль, выбросив кулак в воздух. Туман, окутывавший монастырь, рассеялся, будто прибитый дождем, и лежал озерной гладью, скрывая тысячи футов между уступом и отвесным скалистым обрывом внизу. — Где камера? Разбей ее, парень! Все равно никто не увидит..

Взорвавшийся над головой гром отскочил от гор, словно пушечная канонада. Николас напрягся, сжавшись от оглушительного грохота.

Не успел гром затихнуть, как небеса разверзлись дождем, на мгновение ослепившим его своей мощью. Николас испустил испуганный вздох, когда удары капель слились в сплошную стену воды — огромную волну, которую он видел лишь однажды на море, когда корабль отнесло к краю урагана. Потоки дождя неслись с уступов, заливая все вокруг него, почти сбивая с ног.

Джулиан...

Николас крутанулся обратно к краю тропы как раз тогда, когда Джулиан повернулся что-то ему крикнуть, и увидел, как левая нога брата исчезла вместе с раскрошившимся под нею грязным уступом.

Едва Джулиан исчез из виду, резко упав вниз, сознание Николаса пронзила единственная мысль: «Не так».

— Ник! *Ник!* — Джулиану удалось уцепиться за обломки уступа, рука выскальзывала из намокшей перчатки, а он болтался в воздухе над камнями, грязью и деревьями. Николас прополз последние несколько футов между ними на жи-

воте и тянулся, тянулся, а содержимое рюкзака, погрохатывая, впивалось ему в спину...

Лицо Джулиана побелело от страха, его губы шевелились, умоляя: «Помоги мне, помоги мне...»

С чего бы?

Эта семья... забрала у него все: настоящую семью, свободу, достоинство...

От мысли, что он наконец-то возьмет что-то взамен, холодное горькое удовлетворение заполнило его душу до краев.

Потому что он — твой брат.

Николас покачал головой, чувствуя, как дождь начинает сносить его к уступу.

— Протяни... подними руку вверх... Джулиан!

Решительность отразилась на грязном лице Джулиана, когда тот поднял свободную руку вверх, пытаясь поймать протянутую руку Николаса.

Джулиан разжал вцепившуюся в уступ руку, чтобы оттолкнуться вверх, Николас рванулся вперед и поймал его пальцы...

Вес, который он удерживал, пропал, когда рука Джулиана выскользнула из перчатки, и темный силуэт несчастного бесшумно скользнул вниз сквозь перистый туман, рассеявшийся достаточно, чтобы Николас увидел на дне ущелья вспышку света, когда тело Джулиана рухнуло в поблескивающую грязь.

Вдалеке раздался гул и грохот, и Николас понял, что проход, которым они пришли, обрушился.

В ушах Николаса редела кровь, преследуя его собственный беззвучный крик; ему не нужно было смотреть, искать среди дождя и тумана, чтобы понять: само время украло изломанное тело Джулиана и растворило его в памяти.

Нью-Йорк
Настоящее время

1

Удивительно, но каждый раз при взгляде на них Этта по-прежнему видела что-то новое, чего не замечала прежде.

Строй картин годами висел в гостиной все на том же месте за диваном — раскадровка величайших событий маминой жизни. Иногда, рассматривая их, Этта чувствовала, как что-то сжимается в животе: и не зависть, и не тоска, но какой-то слабый отголосок того и другого. Она сама путешествовала с Элис, объездила полмира с международным конкурсом скрипачей, но не видела ничего похожего на сюжеты маминых картин. Ничего сравнимого с этой горой, по которой вилась светлая тропа, устремляясь вверх сквозь деревья к облакам, к невидимому пику.

Но только теперь, перегнувшись через спинку дивана, Этта заметила, что Роуз нарисовала две фигурки, пробирающиеся вверх по тропе, наполовину скрытой вереницами ярких флагов, развевающихся над головой.

Глаза скользнули по другим картинам. На одной был вид из первой студии Роуз на Шестьдесят шестую улицу и Третью авеню. На другой — ступеньки Британского музея, засиженные туристами и голубями, где она писала портреты прямо на улице,